

Василий Петрович Боткин

Стихотворения А. А. Фета

Санкт-Петербург. 1856

Критика 50-х гг. XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

1

В наше время вошло в обыкновение говорить, что мы живем в веке практическом, разумея под этим нечто совершенно прозаическое, даже враждебное всякой поэзии. Известный историк немецкой литературы Гервинус утверждает, что для Германии поэзия кончилась с Шиллером и Гёте, что ей не осталось ничего более высказать и что для германской нации наступила эпоха практического действия¹. Оставляя в стороне исключительно политическое воззрение, которое привело Гервинуса к такому одностороннему отрицанию идеальных свойств в жизни германского общества², нельзя не признать, что вообще образованные классы нашего времени смотрят на слово "поэзия" не только с какою-то недоверчивостию, но даже с пренебрежением, близким к презрению, как на пустую, праздную забаву и болтовню. Даже литераторы восстают на поэзию, и некогда талантливый автор немногих превосходных рассказов -- а ныне сделавшийся наполеоновским сенатором -- Проспер Мериме написал недавно в "Монитере" целую статью о том, что поэзия возможна только в диком состоянии общества и что только в этом счастливом (?) состоянии поэт может быть наивным без глупости и естественным без пошлости; что в первобытном обществе поэт бывал военачальником, законодателем, оракулом, а теперь, чуждый практической жизни, он стал одним из самых бесполезных членов общества, что говорит он неестественным языком, которого большая часть его современников не понимают, и проч. Все это кажется остроумно, особенно если подумаешь, что статья написана по поводу недавно вышедших стихотворений Виктора Гюго и что новый сенатор должен был доказать чем-нибудь свое новое profession de foi {Исповедание веры (*фр.*)}. Понятны особенные причины такого воззрения, но не надобно забывать и того, что во Франции до сих пор называют поэзией только стихи, а стихи там с давних пор сделались одним риторическим упражнением на задуманные темы. Но тем не менее пренебрежение практических людей нашего времени ко слову "поэзия" понятно. Великие механические изобретения нашего века так поразили умы, что они за передовыми деревьями уже не могут разглядеть леса, решив, что новое общество Европы может жить одними экономическими идеями и потребностями. Действительно, принимая в соображение все поводы, приводящие к подобным воззрениям, никак нельзя отрицать, что преобладающее направление нашего времени есть преимущественно практическое, деловое, пожалуй, даже прозаическое в противоположность тому смыслу, которое по французским понятиям обыкновенно придают слову "поэзия", то есть как чему-то выдуманному, неестественному, воображаемому, противоположному окружающей нас действительности. Изобретения неслыханных прежде машин, устройство железных дорог и пароходов, безопасность морей, облегчив обороты капиталов и бесконечно увеличив их обращение, представили деловым, практическим способностям человека такое обширное поприще, что все, не разбирая своих сил и способностей, с жадностью бросились в одну эту сторону. Вместе с тем развитие естественных наук, окончательно вступивших на путь опыта и наблюдения, изменившиеся экономические отношения народов -- словом, все пробуждает и поддерживает практические стремления нашего времени. Очевидно, что так называемые меркантильные свойства, которые недавно еще ставили в упрек Англии, более и более делаются преобладающими свойствами народов, вступающих на высоту современной цивилизации. Весьма естественно, что и общественное мнение, увлеченное этим еще молодым, бурным деловым потоком, ценит только людей практических, то есть таких, деятельность которых проявляется в сфере видимых, осязательных приложений к общественным потребностям.

Мы не станем разбирать, хорошо или дурно такое исключительное направление. Довольно того, что оно существует. Причины, его породившие, глубоко лежат в духе новой истории Европы. Но мало ли